

ПОЭТИКА РОМАНА В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА»
THE POETICS OF V. NABOKOV'S NOVEL «MASHENKA»

Аннотация: Статья посвящена изучению поэтики романа, его значимых художественных особенностей, в частности, поэтики заглавия, особенностям системы персонажей и хронотопа.

Ключевые слова: поэтика; В. Набоков; роман; хронотоп.

Abstract: The article is devoted to the study of the poetics of the novel and the identification of the features of the artistic world of the novel «Mashenka», as well as the artistic world of the writer.

Keywords: poetics; V. Nabokov; novel.

Владимир Владимирович Набоков – писатель, поэт, в творчестве которого гармонично сосуществуют особенности двух национальных культур – русской и американской, прошел тернистый путь к мировому успеху. Произведения Набокова характеризуются сложной литературной техникой, глубоким анализом эмоционального состояния персонажей в сочетании с непредсказуемым, порой почти триллерным сюжетом.

Актуальность темы статьи обусловлена повышенным интересом к изучению и анализу творчества Набокова в современном литературоведении.

Необходимость анализировать поэтику романа В. Набокова «Машенька» возникла потому, что это первый роман (ставший последним из переведенных автором на английский язык), который Набоков считал «пробой пера». Роман был встречен громкими аплодисментами. По окончании публичного чтения Ю. И. Айхенвальд воскликнул: «Появился новый Тургенев!» – и потребовал немедленно отправить рукопись в Париж, Бунину для последующей публикации в «Современных записках». Роман «Машенька» обнаруживает в себе черты поэтики зрелой прозы Набокова. По мнению Норы Букс, текст в «Машеньке» «вырастает» из центральной метафоры, элементы которой разворачиваются в романе в самостоятельные тематические мотивы [2].

Название романа – это имя главной героини, но героиня – не нынешняя Машенька, не Машенька из молодости героя, а нынешние воспоминания о Машеньке из прошлого. То есть образ этот не соответствует никакой личности в реальности, и главная героиня в романе не появляется.

В произведении Набокова Ганин – персонаж настоящего, Машенька – прошлого. Соединение героев возможно в пространстве, лишенном временных измерений, каким является сон, мечта, воспоминание, медитация.

В портрете Ганина можно найти намек на птичьи черты: брови, «распахивавшиеся как легкие крылья», «острое лицо». Соловей – это традиционный поэтический образ певца любви. Его песни заставляют забыть об опасностях дня, превращают в осязаемую реальность мечту о счастье. Именно такова особенность мечтаний Ганина: счастливое прошлое для него трансформируется в настоящее. Герой говорит старому поэту: «У меня начался чудеснейший роман. Я сейчас иду к ней. Я очень счастлив» [3].

Свидания Ганина и Машеньки сопровождаются аккомпанементом звуков природы, при этом человеческие голоса либо приглушены, либо полностью «выключены»: «... скрипели стволы ... И под шум осенней ночи он расстегивал ей кофточку... она молчала...», «Молча, с бьющимся сердцем, он наклонился к ней... Но в парке были странные шорохи...». Образы родины и возлюбленной, которые сближаются в романе, остаются в пределах ночной соловьиной песни, трансформируются из биографических в поэтические; иначе говоря, становятся темой творчества.

Образ героини, Машеньки, вбирает черты фетовской розы. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры скрытого цитирования. Так, из письма Машеньки Ганину: «Если ты возвратишься, я замучаю тебя поцелуями...», у Фета это строчка «Зацелую тебя, закачаю...». Роза – символ любви, радости, но и также тайны. С латинского *sub rosa* – это «обозначение тайны». И не случайно в романе, где рассыпано немало цветов, роза, символизирующая первую любовь героя, не названа ни разу. Таково зеркальное отражение приема называния: героиня, чьим именем озаглавлено произведение, ни разу не появляется в реальности. Образы птицы и цветка восходят к доминантной метафоре романа – «соловью и розе», отсюда их обязательное парное появление в тексте.

А. Д. Яновский считал, что значимой в романе становится сама структура повествования, где резкие переходы из прошлого в настоящее часто никак не обозначены, не обоснованы, и читатель вынужден прерывать чтение в недоумении непонимания. В совокупном хронотопе романа «Машенька» можно увидеть две главные составляющие части [4].

Во-первых, это замкнутый мир настоящего – то есть та реальность, в которой живёт Ганин, реальность призрачная. Недаром обитатели пансионата сравниваются с тенями, да и сам Ганин имеет совсем другую фамилию (т. е. живет по фальшивому паспорту). Этот мир ненадежен, зыбок. Составной частью хронотопа настоящего является описание Берлина, где властвуют законы реального времени, а пространство четко структурировано на улицы, проспекты, площади.

Во-вторых, выделяется хронотоп прошлого – особая пространственно-временная система, где нет пошлости, заданности, призрачности. Мир прошлого, наоборот, очень реален, конкретен. Рассказ смещается в прошлое, но оно воспроизводится как настоящее. Герой лежит в постели после тяжелой болезни в состоянии блаженного покоя и одновременно фантастического движения. Это странное состояние фиксируется многократно, через повтор, подобный рефрену: «...лежишь, словно на волне воздуха», «лежишь, словно на воздухе», «постель будто отталкивается изголовьем от стены ... и вот тронется, поплывет через всю комнату в него, в глубокое июльское небо» [3].

Автор подчеркивает это подробнейшими описаниями места и времени свиданий Ганина с Машенькой. Связующим звеном между двумя хронотопами (прошлого и будущего) является главный персонаж «Машеньки» Ганин. Именно в его памяти прошлое приобретает такое яркое наполнение. Здесь, в этой антитезе двух систем художественного пространства-времени, четко проявляется ведущий для романного хронотопа Набокова образ двоemiрия, то есть иерархической системы множества пространств и множества времен, связанных воедино.

Встреча с Машенькой – это важнейший временной маркер «перевоплощения» души Ганина. Пространственным маркером возрождения души главного героя становится Воскресенск, в окрестностях которого и происходит история отношений Ганина и Машеньки. Таким образом, хронотоп «Машеньки» определяют два основных пространственно-временных феномена – это «перевоплощение», как смены мыслящим субъектом системы координат, так и «вечного возвращения», циклического путешествия из одной реальности в другую.

Пространство «памяти» – открытое, в противовес замкнутому в пансионе «реальному» пространству. Все встречи Машеньки и Ганина происходят на природе в Воскресенске и в Петербурге. Встречи в городе тяжело переживались Ганиным, поскольку «всякая любовь требует уединения, прикрытия, приюта, а у них приюта не было». Лишь последний раз они встречаются в вагоне, что было своего рода репетицией разлуки с Россией: дым горящего торфа сквозь время сливается с дымом, заволакивающим окно ганинского пристанища в Берлине. Подобная плавность перехода от одного повествовательного плана к другому – одна из отличительных черт поэтики «зрелого» Набокова.

Но к чему же приводят все эти переплетения с прошлым и настоящим? Встреча прошлого и настоящего, «мечты» и «реальности» – то, чему был посвящен и к чему вел весь роман, – неосуществима. «Реальный» роман с Машенькой оказывается иллюзией, «на самом деле» романом с нею были только четыре дня воспоминаний, и «реальна» не живая женщина, которая через час сойдет с поезда, а ее образ в уже исчерпанных воспоминаниях. «Трезвые» и «беспощадно ясные» декларации «пробудившегося» героя оказываются самой сильной апологией реальности именно воспоминания.

Библиографический список

1. Биография Владимира Набокова – творчество и личная жизнь автора. – URL: <https://www.culture.ru/persons/9830/vladimir-nabokov> (дата обращения: 27.10.2023).
2. Букс, Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова / Н. Букс. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – 208 с.
3. Набоков, В. В. Машенька / В. В. Набоков. – Берлин : Слово, 1926.
4. Яновский, А. Д. О романе В. Набокова «Машенька» / А. Д. Яновский. – СПб. : Эссе, 1997.